

- Uzbek, 1 Turk; women and men are presented in the ratio 2/3 to 1/3; age – from 16 till 68 years; formation – not finished average, average, middle and special and the maximum.
9. National-cultural specificity of speech behavior. – М.: the Science, 1977.352 with.
 10. Novikova N.S., Cheremsina N.V. Montgomery in a reality and the general typology of language pictures of the world. // Philological sciences. – 2000. – № 1. – p.40–48.
 11. Ozhegov S.I., Shvedova N.JU. Explanatory dictionar of Russian language/the Russian Academy of Science. Institute of Russian it. V.V.Vinogradova. – М.: Azbukovnik, 1999.944 with.
 12. Popova Z.D., Стернин I.A.Sketch on cognitive to linguistics. – Voronezh: publishing house Sources, 2001. – 191 with.
 13. Popova Z.D., Sternin I.A., Notion "concept" in linguistic researches – Voronezh, 1999. – 30 with.
 14. Stepanov I.A.constant. The dictionary of Russian culture. – М.: Languages of Russian culture, 1997. – 824 with.
 15. The Explanatory dictionary of Russian: in 4 т./Under ред. D.N.Ushakova. – М.: ТЕРРА, 1996.

Бондаренко Т.А., Гавриленко В.В. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА "ЖЕНЩИНА" В РУССКОМ, ИСПАНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

*В человеке должно быть все прекрасным:
и лицо, и одежда, и душа, и мысли.*
А.П. Чехов

Постановка проблемы. Каждый язык имеет особую картину мира, представляющую собой совокупность знаний человека о мире и о самом себе, которая отражает познавательный опыт человека в процессе осмысления им окружающей действительности. Язык формирует личность, национальный характер этнической общности, народа, он способен отражать и сохранять культурный мир своего речевого коллектива. Особенности языка определяются общественно-историческим опытом, который и формирует в сознании носителей языка картину мира, отличную от картины мира других языков, придает действительности специфическую окраску.

Изучению природы концепта в когнитивной лингвистике уделяется первостепенное значение. Актуальность нашего исследования состоит в попытке анализа языковых, этнических особенностей, традиций, культуры, общественного самосознания трех наций.

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть способность языка сохранять и отражать культурный мир своего речевого коллектива на примере темы "женщина и отношение к ней".

Оценочная структура концепта "женщина" в рассматриваемых языках определяется целым рядом параметров, среди которых выделяются доминантные для поля "человек": признаки внешности и черты характера. Первую группу составляют такие универсальные понятия, как "внешность", "манеры", "поведение" и др., а вторую – "свойства личности", например "ум", "душа" и т.д. Можно выделять более частные признаки, если они играют какую-либо роль для носителей рассматриваемых культур и особым образом представлены в языке, вскрывая тем самым специфические характеристики конкретного языка, например, социальный статус, возраст и т.д.

Проведенный анализ показал, что доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности в сопоставляемых языках выступают лицо, фигура, походка, одежда, эмоциональное воздействие. Значимым при оценке лица в русском, украинском и английском языках является цвет волос, глаз и кожи. В русском и украинском языках выявлено достаточное количество лексем, называющих женщину по деталям лица, например, рус.: *черноглазка, чернобровка, круглолицка, смуглянка, цыганка (перен.), белянка, чернушка, златовласка*; укр.: *чорноока, чорнобрива, білявка, білолиця, смаглявка, чорнявка, чорнява: Полюбила чорнобрива козака дівчина (Т.Шевченко)*; исп.: *ojinegra, ojipreta, ojos de carbón (черноглазая), ojos de esmeralda (зеленоглазая), pelinegra, de rizos negra (черноволосая, чернокудрая), carriredonda (круглолицая), de cabellos dorados, de rizos de oro (златокудрая), pelirrubia (блондинка), (круглолицая), (смуглянка)*. Актуальными для оценки фигуры являются ее параметрические данные, такие, как "рост", "объем", "пропорциональность", "особенности телосложения"; в испанском языковом сознании выделяется также аспект "женские формы", а именно "привлекательная округлость форм": *atractiva; "сексуальность" – atrayente*. Оценочная квалификация походки и телодвижений, в частности, такие свойства, как скорость и равномерность перемещения тела в пространстве осмысливаются в картине мира носителей русского и украинского языках, во-первых, через ряд позитивных качеств – активность, подвижность, легкость, соотносимых с молодостью, а также плавность, вальяжность, которые ассоциируются с представлениями о внутреннем достоинстве, знатном происхождении – рус.: *вострушка, резвунья, пава, лебедка, царица, дама*; укр.: *цариця, панночка, пава*; исп.: *señora, gran señora, señorona* и во-вторых, через ряд негативных признаков – тяжеловесность, грузность, неповоротливость, сопряженных с представлениями о старости, низком социальном положении: *кубышка, кувалда, гусыня, бомба, бабища, бабина*; укр.: *незугарна, незграбна, баба, шерпа, копиця*; исп.: *zaragatera (крикливая, шумная), camorrista (вздорная баба, сварливая), toza viva (бойкая бабенка), mijerona (бабища), hembra (баба), ballena, vaca, chancha, pendón (долговязая, жердь)* и т.д.

При характеристике одежды в обоих языках релевантными для положительной оценки выступают признаки: красота, чистота, аккуратность, новизна, соответствие индивидуальности. Также оценивается соответствие одежды моде и социальной обстановке.

Межнациональная специфика оценки концепта "женщина" обнаруживается в различной количественной и качественной характеристике женской красоты в сопоставляемых языках. Например, для русского языка релевантным является тот факт, что объектом высокой положительной оценки в большинстве случаев выступают внешние атрибуты, составляющие эталон "настоящей" русской красоты: светлые, как правило, длинные волосы, черные брови, синий или голубой цвет глаз, светлая кожа. На Украине эталоном женской красоты традиционно считается девушка с черными/темными волосами и черными/кариими глазами, что сопоставимо с канонами красоты испанок, не составляют эталона русской красоты, но они также могут положительно характеризоваться в русской культуре. Указанные атрибуты внешности выступают знаками "экзотического мира", символизируя Восток, страсть, знойный темперамент. В русском языке и русской литературе основанием подобной оценки являются сложившиеся в русской культуре представления о жителях южных территорий как о людях, которым свойственна страстность и пылкость чувств. Описание женщин с темным цветом волос и глаз часто в русском и украинском языках сопровождается метафорическим языком "огня", например: *жгучая брюнетка; / очи карие, очи жгучие; очі палкі; вогнезора, вогняне волосся*; исп.: *mujer ardiente, apasionada*.

Испанское языковое сознание при оценке женской внешности акцентирует преимущественно признак "каузация эмоций у субъекта оценки", и красота определяется не соответствием эталону или стандарту, а индивидуальными предпочтениями, например.: *Mujer el mundo está amueblado por tus ojos se hace más alto el cielo en tu presencia la tierra se prolonga de rosa en rosa y el aire se prolonga de paloma en paloma al irte dejas una estrella en tu sitio dejas caer tus luces como el barco que pasa (Bucneme Удобопо, Чили); Eras la boina gris y el corazón en calma. En tus ojos peleaban las llamas del crepúsculo; Dulce jacinto azul torcido sobre mi alma; boina gris, voz de pájaro y corazón de casa; Tu recuerdo es de luz, de humo, de estanque encalma!*(Пабло Неруда, Чили).

В русском и украинском языковом сознании красота тесно связана с нравственными качествами объекта оценки. В сознании носителей англоязычной культуры восприятие женской красоты определяется субъектом оценки в рамках гедонизма (возможность получить удовольствие) и рационализма (сохранение безопасности). Сенсорные мотивы получили языковую реализацию на лексемном уровне, где выявлено свыше ста слов, характеризующих женщину по признаку "сексуально – привлекательная", например: Целый ряд испанских наименований подчеркивают не только красоту, но также указывают на чувство страха, порождаемое этой красотой. Данный компонент значения находит выражение в словарных дефинициях указанных слов: Являясь образными наименованиями, данные лексемы реализуют существующее в сознании носителей культуры представление о женской красоте как источнике опасности для мужчин.

В результате анализа аксиологических характеристик, определяющих семантику лексем с компонентом "красота", было установлено, что мотивы положительной оценки женской внешности в различных социальных средах имеют разные основания. Так, к примеру, при оценке привлекательной женщины в русском и украинском языках преимущественно имеют место эмоциональные критерии, указывающие на способность вызвать симпатию, расположение или же оказать сильное положительное эмоциональное воздействие. В словарных дефинициях эти критерии представлены либо словами из категории "приятного" рус.: *милая (милашка, милаха), симпатичная (снегурочка), приятная (ангелок)*, укр.: *люба, мила, сонечко, ластівка, горлиця* либо из категории "прекрасного" – *очаровательная, обаятельная, чарівниця горлиця* исп.: *atractiva (привлекательная), atrauyente (притягивающая), encantadora (очаровательная)* и т.п. Очень часто в русском сознании положительная эстетическая оценка вступает в корреляцию с отрицательной моральной или интеллектуальной оценкой: *зелье, сирена, фуфыра, фифа, кукла* и т.д. в украинском: *лялька, вертихвістка* та под., в испанском: *figurilla (фитюлька), veleta (нустышка), lechuguina (фифа)* и под. Интересно отметить, что в украинском культурном пространстве слово ведьма часто имеет ассоциации с молодой прекрасной женщиной, наделенной сверхъестественными возможностями, в русском и испанском фольклоре (*bruja*) ведьма – чаще всего безобразная, неприятная старуха. Оценка женской внешности также способна варьироваться внутри одной культуры, что находит отражение в значениях слов, принадлежащих к различным функциональным стилям. Так, для разговорного пласта русской лексики характерно ослабление признака "красота" с интенсификацией психологических оценок или усиление эстетического признака в сочетании с отрицательной этической и интеллектуальной оценкой: *милашка, душка, очаровашка, красотка, краля, жеманница, манерница*. Для украинского культурного пространства характерно сравнение женщины с мифологическим существом – мавкой, – загадочной и прекрасной, но в то же время, представляющей опасность для того, кто очарован ее красотой. Для традиционно-поэтической и книжной речи характерно усиление положительной эстетической оценки одновременно с положительной эмоциональной оценкой: *богиня, очаровательница, чаровница, царица; богиня, чарівниця, цариця* и т.д.

Интегральный признак "привлечение внимания" в русском языке реализуется преимущественно в дифференциальных признаках "способ привлечения внимания" (манеры, одежда, поведение) и "внутренние качества субъекта действия" (легкомыслие, непостоянство): *кокетка, фифа, вертушка, вертихвостка*. Семантическая структура оценочных субстантивов, характеризующих лицо женского пола по признаку "одежда", представлена рядами интегральных и дифференциальных признаков. Так, признак "одежда" реализуется в семах "состояние одежды" и "отношение к одежде". В сопоставляемых языках при отрицательной оценке состояния одежды доминирующим является признак "неопрятность" рус.: *распустеха, шиишига*; укр.: *шерпепа*; исп.: *zarrapastrosa (непряхливая исп. zarrapa – жаба), persona desaliñada (неаккуратная), rom-*

pegalas (чуцело) и т.д. Спецификой некоторых испанских лексем является совмещение в семантике признаков "неопрятность" и "аморальность" (*desaseada, sucia*). Признак "модная одежда" в русских словах является одним из основных при характеристике одежды лица женского пола: *модница, форсунья, франтиха*, тогда как сема "старомодная одежда" остается не эксплицированной. Интегральная сема "отношение к одежде" наиболее ярко проявляется в семантике русских существительных: *тряпичница, фифа*, в украинском: *цяця, писанка* и т.д.; в испанском языке рассматриваемый признак реализуется в коннотации у лексем *niña gotica, figurera, amiga de trapos* (*тряпичница, подружка тряпок*), *petimetre, currutaca, careta, cuica* (*шмоточница*), *niña fresca, hueca, vacía, cerebro vacío* и под.

Выводы. В русском и украинском языках для оценки женской красоты используются практически идентичные понятия, эта оценка ведется с аналогичных позиций. Однако критерии несколько отличаются, и образ идеальной женщины в каждой стране свой. В русском сознании красота определяется преимущественно предписанным набором атрибутов, которые составляют один из существующих типов красоты (славянский, русский, восточный), ср. также: *классическая красота, истинная красота, настоящая красота, красота от Бога, ангельская красота, неземная красота* и под. Для испанского языкового сознания основополагающим является свойство "каузация эмоций" у субъекта оценки, его индивидуальные предпочтения. Иными словами, для русских красота – это то, что предписано другими, для испанской культуры – то, что нравится самому субъекту речи, тогда как для украинцев красота – это то, что дано природой, а не заслуга самого человека.

Источники и литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
3. Карасик В.В., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С.75–80.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.
5. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13 – 24.
6. Шмелев А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры / Вступит. статья кн. А.Вежбицкой "Понимание культур через посредство ключевых слов". – М., 2001. – С. 7–11.

Братухина И.А.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на примере жанра судебного приговора)

Каждый из пяти функциональных стилей современного русского литературного языка обладает своей собственной системой жанров. Среди всего многообразия жанров практически в каждом из стилей можно выделить группу речевых жанровых форм, которые в наибольшей степени отражают специфику того или иного стиля, в них, как правило, четко и однозначно выявляются основные стилеобразующие факторы одного, конкретного стиля. Так, например, в официально-деловой речи это приказ, справка, заявление, а также некоторые другие документы, которые имеют строго определенную композицию, тематику и в плане языкового оформления достаточно устойчивы.

С другой стороны, в структуре каждого функционального стиля есть жанр или группа жанров, которые находятся на пересечении нескольких стилей, т.е., будучи репрезентантами, например, научного стиля они испытывают на себе влияние разговорной речи (это относится к жанру учебной лекции, который активно исследуется лингвистами именно по этой причине) [1].

Концепция полевой организации стилей была сформулирована М.Н. Кожинной: «...функционально-стилистическое расслоение речи не сводится к пяти основным стилям, оно представляет собой чрезвычайно сложную картину. К тому же в реальной действительности стили взаимодействуют, и тот или иной конкретный текст или даже **жанр в целом** (выделено мной. – И. Б.) может и совмещать черты разных стилей; в этом случае он находится в области пересечения стилей» [3, с.72]. «...функционально-стилевое расслоение языка удобно представить в виде полевого структурирования, а именно так, что у каждого стиля есть центр и периферия. Центр составляют тексты, наиболее «чисто» и полно эксплицирующие специфику данного функционального стиля, а в области периферии находятся тексты, менее «чисто» представляющие его специфику, т.е. с видоизменениями и наслоениями, в том числе «заимствованными» от других стилей, так как именно на периферии, в пограничной «зоне» наблюдается пересечение функциональных стилей и наиболее возможное их взаимодействие» [там же].

Принадлежность того или иного текста к одному из функциональных стилей определяется, прежде всего, набором основных стилеобразующих факторов, как экстралингвистических, так и собственно языковых. Причем, именно экстралингвистические факторы в данном случае являются определяющими.

Судебный приговор – один из жанров официально-делового стиля. Строго определенная тематика, целевая установка на констатацию и предписание, ситуация официального общения определяют преимущественное использование языковых средств делового стиля. Но, кроме того, язык этого документа испытывает значительное влияние разговорной речи. Несмотря на то, что судебный приговор объективируется только в